

DOI: 10.17746/1563-0102.2019.47.1.127-136
УДК 391.1+008:14

М.А. Кучерская

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
Старая Басманская, 21/4, Москва, 105066, Россия
E-mail: mayakuch@gmail.com

Практика переодевания в народный костюм в истории русской этнографии

В статье рассматривается практика переодевания этнографов и собирателей фольклора в народный костюм в середине XIX в. Наиболее последовательно этот вид социальной мимикрии применялся П.И. Якушкиным, который ходил по деревням в русском платье под видом коробейника. Он следовал инструкции, составленной известным литератором, историком и коллекционером русских древностей М.П. Погодиным. Подробно анализируются основные источники представлений Погодина о том, как должен выглядеть собиратель фольклора и этнограф: славянофилы с их отношением к русскому костюму, А.С. Пушкин, ходивший в красной рубахе, а также придворные анекдоты и народные легенды о высокопоставленных лицах, переодевавшихся в простое платье. В статье продемонстрировано, что практика переодевания, применявшаяся Якушкиным, хотя и использовалась несколько позднее другими этнографами (например, С.В. Максимовым и П.Н. Рыбниковым), по политическим причинам общеупотребительной не стала. Тем не менее в 1870-х гг., в период расцвета движения народников, переодевание в народный костюм вновь стало практиковаться – для преодоления дистанции между интеллигентом и крестьянами или рабочими. Размытие и в итоге исчезновение сословных преград в советское время деактуализировало pragматическую функцию этой практики (вызвать доверие), между тем как использование народного костюма в качестве политического жеста сохранило значимость до сегодняшнего дня.

Ключевые слова: история этнографии, П.И. Якушин, переодевание, русское платье, мимикрия, народники.

M.A. Kucherskaya

National Research University Higher School of Economics,
Staraya Basmanskaya 21/4, Moscow, 105066, Russia
E-mail: mayakuch@gmail.com

Wearing Folk Costume as a Mimetic Practice in Russian Ethnographic Field Studies

Wearing folk costume was a mimicry practiced by certain mid-19th-century Russian ethnographers and folklorists, mostly by Pavel Yakushkin, who posed as a peddler when doing field work in villages. In this he followed the instruction written by the famous writer, historian, and antiquary Mikhail Pogodin. The source of Pogodin's ideas of how a folklorist and ethnographer should look like was the Slavophiles' perception of the Russian costume, Alexander Pushkin's habit of wearing a red shirt, anecdotes about courtiers, and folk legends about top-ranking persons wearing folk costumes. While the disguise first used by Yakushkin was later adopted by other ethnographers, such as Sergey Maximov and Pavel Rybnikov, political reasons prevented it from spreading. Nevertheless, in the 1870s, at the peak of the Populist ("Narodniki") movement, the mimicry re-emerged as a way of bringing the intelligentsia closer to the peasants and workers. The erosion and eventual disappearance of class boundaries in Soviet Russia made such ways of winning confidence pragmatically irrelevant; however, wearing folk costume as a political gesture is meaningful even today.

Keywords: history, ethnography, Pavel Yakushkin, disguise, Russian costume, mimicry, Russian Populists.

Введение

В середине 1830-х – начале 1840-х гг., в эпоху оживления общественной дискуссии о специфике русской национальной идентичности, в научном изучении народной поэзии и крестьянского быта наметился отчетливый сдвиг [Пыпин, 1891, с. 1–2]. Однако, несмотря на выход этнографических исследований на новый этап развития, собиратели сталкивались с серьезными трудностями, в первую очередь с недоверием крестьян. Для преодоления подозрительности информантов этнографы начали переодеваться в народный костюм. Наиболее последовательно эту практику применял один из первых профессиональных собирателей фольклора в России П.И. Якушкин, ходивший по деревням в красной рубахе и плисовых шароварах под видом офени. По воспоминаниям современников, он, «купив товар на десять рублей, взяв короб, отправлялся по деревням собирать народные песни» [Лейкин, 1884, с. LXIX].

В данной работе предпринята попытка реконструировать источники практики переодевания собирателей фольклора в народный костюм в середине XIX в., до сих пор фактически не описанной историками русской этнографии. Рассматривается также влияние этой практики на дальнейшее развитие этнографии и более поздние поведенческие стратегии интеллектуалов-народников, желавших сблизиться с крестьянами и рабочими.

Социальная мимикрия П.И. Якушкина

Павел Иванович Якушкин «ходил мужиком», «но носил очки, из-за которых настоящие мужики ни за что не хотели его признавать за своего, а думали, что он “кто-то ряженый”» [Лесков, 1958, с. 73]. Павел Иванович был сыном дворянина, вышедшего в отставку поручика И.А. Якушкина, и крепостной крестьянки, окончил орловскую гимназию и физико-математическое отделение философского факультета Московского университета [Баландин, 1969, с. 16–18], увлекся собирательством и в итоге стал образованным литератором, профессиональным исследователем народной культуры и быта. Таким образом, определение «ряженый» вполне применимо к П.И. Якушкину, он действительно рядился и исполнял роль.

Принципиально, что вернувшись из очередной экспедиции, Павел Иванович продолжал ходить в той же простонародной одежде. Н.С. Лейкин дает подробное ее описание: «В том же костюме ходил и в Петербурге: его узнавали по его русскому костюму и очкам. Это не был русский костюм франтоватый, балетный, в кавказском ходили некоторые из тогдашних славянофилов, щеголявшие лакированными сапогами, кантузовыми рубахами и шляпами с павлиньим пером. Кафтан

Якушкина был из самого грубого сукна, всегда засален, сапоги в большинстве случаев стоптанные и грязные, на голове низенькая барашковая шапка и зимой и летом, кумачовая рубашка опоясана простым пояском с молитвой, а подчас и просто веревочкой. В фуражке я его видел редко» [1884, с. LXIX] (рис. 1). Засаленный кафтан и рубашка, подпоясанная веревочкой, которые П.И. Якушкин носил не только в экспедиции, но и в столице, свидетельствуют о том, что в таком костюме он, очевидно, чувствовал себя более комфортно. Это подтверждают и воспоминания Н.С. Лескова, который учился с Якушкиным в одной гимназии, хотя и несколько позднее, и утверждал, что небрежность в костюме и прическе была свойственная Павлу Ивановичу еще в юные годы [Лесков, 1958, с. 72].

Для П.И. Якушкина народный костюм, равно как и употребляемые им «мужицкие слова», очевидно, являлись маркером его близости русскому мужику. Характерно, однако, что в народных эстетических представлениях неопрятная одежда воспринималась как неприличная [Злыднева, 2011, с. 548], только рабочая одежда непосредственно во время работы могла выглядеть у трудового человека грязной, но не повседневная, тем более праздничная. Таким образом, впечатление «ряженности», вероятно, усиливала и неаккуратность костюма П.И. Якушкина.

Не исключено, что и не взявшись за собирание фольклора, Павел Иванович надел бы мужицкую одежду – занятие народной культурой, похоже, лишь легитимировало его природную склонность и самоощущение. Все это, впрочем, не объясняет, почему П.И. Якушкин сознательно играл роль огени, продавал крестьянам «красный» товар. Но идея рядиться в коробейника ему и не принадлежала, а была подсказана его учителями по сбору этнографического материала.

Источники социальной мимикрии П.И. Якушкина

В годы учения в Московском университете П.И. Якушкин познакомился с П.В. Киреевским и М.П. Погодиным, под влиянием которых и оформился его интерес к народной словесности и быту. С 1843 г. студент Якушкин сам начал собирать фольклор для полного собрания народных песен П.В. Киреевского [Азадовский, 1958, с. 328–338]. В 1844 г. в Москве вышла его первая публикация в «Москвитянине» (№ 12), издававшемся М.П. Погодиным, – «Народные сказания о кладах, разбойниках, колдунах и их действиях, записанные в Малоархангельском уезде». В нее вошли некоторые из собранных в двух первых экспедициях материалов. Именно М.П. Погодин и составил для Якушкина специальное наставление: как следует со-

бирать народные песни. Его инструкция сохранилась в труде Н.П. Барсукова [1896, с. 23–25].

М.П. Погодин дал П.И. Якушкину множество рекомендаций о том, что записывать песни нужно «как они пропоются», «без всяких поправок», указывал, каким разновидностям отдавать предпочтение – историческим, обрядовым песням и духовным стихам. В том же наставлении, в сущности, дан развернутый сценарий предстоящей экспедиции: ходить по деревням в простонародном платье под видом офени и использовать торговлю мелочами как повод для знакомства с крестьянами. «Нигде не говорите, что вы приехали с такою-то целью – собирать песни, или что-нибудь другое. Исподволь, нечаянно, между дел, вы должны достигать ее, не показываясь умником, не смущаясь никакою глупостью или пошлостью. Мне кажется, всего бы лучше, – пишет Погодин, – если б вы отрастили себе бороду, надели кумачину рубашку с косым воротником, подпоясали каftан кушаком, да запаслись разным мелочным товаром: серьгами, кольцами, бусами, тесемками, лентами, баранками, пряниками, и пустились торговаться по селам. Тогда вы получили бы самый лучший предлог начинать знакомство с сельскими певцами» (цит. по: [Баландин, 1969, с. 25–26]). П.И. Якушкин последовал этим советам в точности: отрастил бороду, купил товар, ходил по деревням с коробом, продавал крестьянкам бусы и кольца, детям дарил пряники (рис. 2). Кроме того, правда, он уговаривал мужиков

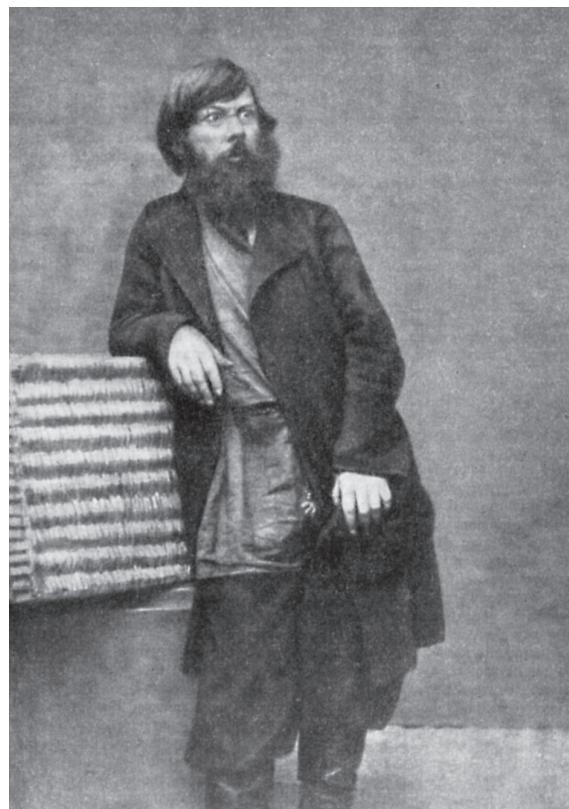

Рис. 1. Павел Иванович Якушкин. Фотография конца 1860-х гг. Нижний Новгород (из собрания Государственного литературного музея).

Капоъ за рицъкою,
Каюъ да быстрою,
Въ тѣникоъ во бѣру.
Брама Ѹпъица,
Брама краснаѧ,
Рыжити грибы;
Бравшии Ѹпъжіе
Бравшии Ѹпъжіе;
Пътиши топла тако;
Не ходитѣ сконъ;
Не гулатѣ сюда;
Пътиши топла тако;
Не ходитѣ сконъ;
Эту чиъсию,
Эту грижкую,
Партие мозбенуу;
Кѣ краснай Ѹпъицѣ,
Кѣ паренъ Ѹпъицѣ,

Рис. 2. Лубочное изображение крестьянина и крестьянки, 1850 г. (из собрания Отдела редких книг и рукописей Научной библиотеки МГУ им. М.В. Ломоносова).

и «вином» (водкой), чтобы они пели охотнее. Именно это, очевидно, и привело собирателя, не уклонявшегося от общего веселья, к вполне предсказуемым печальным последствиям.

Любопытно, что задолго до того, в 1838 г., П.В. Киреевский, Н.М. Языков и А.С. Хомяков также составили краткую инструкцию для собирателей фольклора «О собирании народных песен и стихов», которую опубликовали в «Симбирских ведомостях»*. Они призывали просвещенных современников собирать народные песни и стихи, «эти драгоценные остатки старины», и излагали основные принципы записи текстов: «Песни, которые поются в народе должны быть записаны слово в слово, все без изъятия и разбора, не обращая внимания на их содержание, краткость, нескладность и даже кажущееся бессмыслие» [Парилова, Соймонов, 1968, с. 49; Соймонов, 1960, с. 148]. Пересечение с правилами, изложенными в инструкции М.П. Погодина, очевидны, однако ни слова о переодевании в коробейника в «песенной прокламации» П.В. Киреевского, Н.М. Языкова и А.С. Хомякова нет.

Подобный способ записи фольклора для России 1840–1850-х гг. был уникalen. На это указывает один из первых биографов П.И. Якушкина, известный этнограф и писатель С.В. Максимов: «Выход Якушкина, надо помнить, был новый – никто до него таковых путей не прокладывал. Приемам учиться было негде; никто еще не дерзал на такие смелые шаги, систематически рассчитанные, и на дерзостные поступки – встреч глаз на глаз с народом. По духу того времени, затею Якушкина можно считать положительным безумием, которое, по меньшей мере, находило себе оправдание лишь в увлечениях молодости. <...> Решившись собирать подлинные народные песни далеко не ребенком, а под тридцать лет**, Якушкун делал крупный литературный шаг, сам того не подозревая, и во всяком случае торил тропу, по которой ходить другим было уже несколько полегче» [1884, с. XXIII].

Называя выход Якушкина новым, С.В. Максимов, очевидно, имеет в виду, что никто из его предшественников-собирателей (впрочем, не слишком многочисленных) [Азадовский, 1958, с. 42–112] не переодевался в коробейника. Тем не менее инструкция М.П. Погодина выглядела на удивление отточенной, исполненной уверенности, что именно так и следует собирать песни, хотя сам он при всей увлеченности фольклором в русское платье не рядился, тем более не торговал по деревням лентами и баранками. Значит, в основе уверенности М.П. Погодина лежал не личный опыт, а совсем другие источники.

*Прибавление к № 15 (14 апреля) «Симбирских ведомостей» за 1838 г.

**Неточность: первые экспедиции П.И. Якушкин осуществил в возрасте 21–22 лет.

Влияние славянофилов и П.В. Киреевского

По свидетельству Н.П. Барсукова, процитированная инструкция была составлена «в сороковые годы» [1896, с. 22–23]; его датировку нетрудно уточнить. М.П. Погодин сожалеет, что П.И. Якушкун не хочет даже завершить университетского курса, предпочтая отправиться в путешествие немедленно, значит, это происходило в последний год его обучения, т.е. в 1844/45 учебном году. «Народные сказания о кладах, разбойниках, колдунах и их действиях...», дебютный рассказ Якушкина, был опубликован в 12-м номере «Москвитянина» за 1844 г. В конце публикации М.П. Погодин сообщает: «Автор, студент Московского университета Якушкун, намерен отправиться в путешествие по всей России для собирания остатков нашей народности». Видимо, вскоре после этого он и написал наставление студенту, вероятнее всего, в 1845 г. Именно в середине 1840-х гг. славянофилы ввели моду носить русское платье и бороду.

Первым отпустил бороду и оделся в русский костюм К.С. Аксаков; А.С. Хомяков отпустил бороду осенью 1845 г. [Мазур, 1993, с. 128]. К.С. Аксаков сшил себе «святославку» – древнерусский длиннополый зипун, носил шапку-«мурмолку», сапоги и красную рубаху. Его примеру последовали А.С. Хомяков и И.С. Аксаков. Как известно, попытки славянофилов таким образом засвидетельствовать уважение русской национальной идеи вызывали в основном насмешки. Приведенная А.И. Герценом в «Былом и думах» знаменитая шутка П.Я. Чаадаева о том, что народ на улицах принимал К.С. Аксакова за персиянина, – одно из многочисленных свидетельств общественного скепсиса к славянофильской затее [Герцен, 1956, т. 9, с. 148] (см. также: [Чичерин, 1929, с. 239–240]). Известен и язвительный отзыв цензора А.В. Никитенко о явлении в свет А.С. Хомякова в народном костюме [1893, с. 29] (см. также: [Кирсанова, 1995, с. 138–139]). Впрочем, его запись о встрече относится к январю 1856 г., времени, когда мода давно введена. Итак, идея переодевания в мужицкое платье, вероятно, была подхвачена М.П. Погодиным у славянофилов, к которым он был близок.

П.В. Киреевский, явившийся вторым наставником П.И. Якушкина в собирательском деле и оказавший на него не меньшее влияние, чем М.П. Погодин, тоже одевался просто и общался с крестьянами: «дворянин, не служащий, вечно водящийся с простым народом, пренебрегающий всеми условиями высшего тона, одетый в святославку, в кружок остриженный» – так характеризовал его близкий к славянофилам художник-портретист Э.А. Дмитриев-Мамонов [1873, с. 2492–2493].

Причины облачения собирателей фольклора и славянофилов в народный костюм были различны. По-

Рис. 3. Лубочное изображение крестьян, 1850 г. (из собрания Отдела редких книг и рукописей Научной библиотеки МГУ им. М.В. Ломоносова).

следние таким образом стремились подчеркнуть ценность русской национальной идеи, здимо обозначить связь с допетровским временем, равно как и личную свободу, право одеваться по своему желанию и вкусу. Погодин же предлагал Якушкому подобного рода мимикию из pragmatических соображений, чтобы вызвать доверие, иметь возможность вступить с крестьянином в разговор, а значит, приблизиться к информантам и сделать запись народных песен более продуктивной. К собирателю, не потрудившемуся как следует замаскироваться, местные жители могли отнести с подозрением. Погодин хорошо понимал это. Злоключения, которые претерпевал во время своих походов за песнями П.В. Киреевский, тоже, вероятнее всего, были ему известны. Вот описание одной из таких неудач известного собирателя в Осташкове.

«Я воображал, – пишет П.В. Киреевский Н.М. Языкову 1 сентября 1834 г., – что найду глушь, а вместо того нашел едва ли не самый образованный уездный город в России, в котором всякий кузнец и всякая пряничница читает “Тысячу и одну ночь” и уже стыдится бородатых песен, а поет: “Кто мог любить так страшно” и даже “Мчится тройка удалая”... Я надеялся еще на окрестности и прожил там с лишком два месяца, разъезжая по деревенским ярмаркам. И в самом деле в тамошнем уезде можно было бы собрать много любопытного, но только – не в таких обстоятельствах, в каких я там был. Чтобы иметь успех, надо было: 1)

иметь какой-нибудь посторонний предлог для житья в Осташкове и 2) знакомство с помещиками, а у меня ни того, ни другого не было, а потому меня там не только в простонародье, но даже и в тамошнем beau-monde боялись, как чумы, воображая во мне сначала шпиона, а потом карбонара. Поэтому было со мной множество уморительных, самых донкишотских приключений (о которых после), но в песнях совершенная неудача» [Киреевский И., Киреевский П., 2006, с. 123]*.

Интересно, что сам М.П. Погодин, хотя много путешествовал по России и всерьез интересовался народной культурой, в крестьянские избы заглядывал редко, начиная с посещения губернатора, продолжая архиереем [Баландин, 1969, с. 144]. Барину ходить в крестьянском платье было рискованно, это приводило к столкновениям с полицией, и П.И. Якушкин пережил их множество [Якушкин, 1986, с. 141–153]. Между тем профессор И.М. Снегирев собирал фольклор в вицмундире – начальник III отделения В.А. Долгоруков в одном из внутренних документов ссылался на его опыт как на удачный [Баландин, 1969, с. 126]. П.В. Киреевского же однажды во время собирания песен у народа «сташил за шиворот» квартиральный [Погодин, 1859].

*Ср. также переданную В. Далем историю о А.С. Пушкине, собиравшем песни и воспоминания о Пугачеве, – его крестьяне приняли за антихриста [1985, с. 262].

Еще одно сходство в стратегиях собирания фольклора П.В. Киреевским и П.И. Якушкиным заключалось в плате за песни. Якушкин отдавал свой товар за бесценок, по сути, дарил крестьянкам платки и серьги, нередко покупал для всех вино – это оживляло народное веселье, а значит, увеличивало количество записанных текстов (см. например, описание одного из ранних путешествий [Якушкин, 1986, с. 448–449]). Практика платы за услышанные песни могла быть подхвачена им именно у Киреевского, который, по словам его матери А.П. Елагиной, «собирал в Осташкове нищих и стариков и платил им деньги за выслушание их нерайских песен» (цит. по: [Розанов, 2006, с. 216]) (рис. 3).

Красная рубашка А.С. Пушкина

Славянофильское переодевание в русский костюм было тем актуальным контекстом, который, вероятнее всего, повлиял на представления М.П. Погодина о собирании фольклора в народной среде в 1840-х гг. Вместе с тем, составляя инструкцию для П.И. Якушкина, он мог опираться и на более ранний источник – опыт своего доброго знакомого А.С. Пушкина, также записывавшего песни и сказки. Пушкин был одним из основных инициаторов составления сборника, которым в итоге занялся П.В. Киреевский, ему же поэт передал и все имеющиеся у него записи песен [Соймонов, 1968].

Пушкин также одевался в простонародную одежду. Об этом вспоминал его кучер в Михайловском, крестьянин Петр: «Красная рубашка на нем, кушаком подвязана, штаны широкие, белая шляпа на голове: волос не стриг, ногтей не стриг, бороды не брил – подстрижен эдак макушечку, да и ходит» [Парfenов, 1985, с. 463]. Существуют и другие свидетельства о том, что Пушкин носил красную шелковую рубашку русского покрова [Распопов, 1985, с. 399]. Он ходил в простонародном костюме на монастырскую святогорскую ярмарку, где слушал народные песни и сказки, которые пели нищие [Вульф, 1985, с. 447].

Поскольку Пушкин носил красную рубаху и бороду не только на ярмарке, но и в деревне, в дороге, можно предположить, что это был артистический, отчасти фронтальный жест. Кроме того, в его любви к красной народной рубашке могло проявляться, во-первых, подражание Дж. Байрону, одевавшемуся с изысканной небрежностью аристократа и денди, однако также любившему облачаться в разные костюмы (от албанского до монашеского); во-вторых, естественная для эпохи склонность к театрализации быта [Лотман, 1992]; в-третьих, желание обозначить внутреннее родство с народом, действовать в той же логике, что Денис Давыдов, который в 1812 г. надел «мужичий каftан» и начал «отпускать бороду» [Там же, с. 276]. М.П. По-

годин, состоявший в приятельских и деловых отношениях с Пушкиным, вероятнее всего, знал о причудах поэта и мог их учить.

Таким образом, к середине 1840-х гг., когда П.И. Якушкин собрался в экспедицию, комплекс представлений русского интеллектуала о внешнем облике сельского жителя сложился окончательно. Из всего многообразия русской национальной одежды, в первую очередь была выделена красная рубаха, которая в традиционной крестьянской культуре считалась праздничной, а никак не повседневной. Другим атрибутом «народной» внешности стала борода. Понятны причины этого выбора: подобные маркированные элементы народности были предельно наглядны, почти театральны; можно сказать, что исследователи сами стояли у истоков создания лубочного образа русского крестьянина, предлагая рассматривать народный костюм в отрыве от реальных традиций.

Народный костюм Ахима фон Арнима

Известно, что славянофилы и близкий им М.П. Погодин формировались под влиянием немецкой философии, восприняв идеи Гегеля, Шеллинга, Шлегеля; с последним И.В. Киреевский несколько раз общался лично, когда учился в Германии. Интересно, что форма собирания песен знаменитыми немецкими фольклористами Ахимом фон Арнимом и Клеменсом Брентано, основателями гейдельбергского кружка немецких романтиков, отчасти напоминала ту, которую М.П. Погодин предлагал П.И. Якушкину. В ставшем позднее легендарным путешествии по берегу Рейна (по собранным во время него материалам был подготовлен сборник обработок народных песен «Волшебный рог мальчика», изданный в 1806–1808 гг.), Арним ходил в простом костюме, явно стремясь подражать сельскому жителю. Сестра Клеменса Брентано Беттина, опираясь на личные впечатления о двух друзьях, пишет: «Арним, такой неуклюжий в своем слишком широком платье. С рукавом, распоротым по шву, с тяжелой палкой и шляпой, из которой торчит разорванная подкладка; ты, такой стройный и изящный, с красной шапочкой, надвинутой на густые черные локоны, с тоненькой тросточкой и интересной табакеркой, торчащей из кармана» [Жирмунский, 1981, с. 67]. Итак, Арним, дворянин, умевший одеваться изящно, в путешествии, как впоследствии и П.И. Якушкин, ряится в простонародные одежды, очевидно пытаясь сблизиться с простыми жителями деревушек и следуя своей мечте стать «народным поэтом».

«Волшебный рог мальчика» как будто должен был быть известен М.П. Погодину, но никаких прямых свидетельств о том, что это так, нет. Книга «Весенний венок» Беттины фон Арним (сестра К. Брентано вы-

шла замуж за друга брата), состоявшая из переписки с Клеменсом во времена его путешествия по Рейну, издана в 1844 г. – когда Михаил Петрович составлял инструкцию для П.И. Якушкина. Однако парадоксальным образом знаменитый сборник фон Арнима и Брентано не обсуждался в России – во всяком случае в русских журналах нет откликов ни на него, ни на «Весенний венок» [Азадовский, 1958, с. 316]; а П.В. Киреевский, перечисляя Н.М. Языкову в письме известные ему сборники песен, не называет «Волшебный рог мальчика» [Киреевский И., Киреевский П., 2006, с. 376–377]. Вероятно, параллель в поведении между немецким и русским собирателем лежит в области типологии. Очевидно, что и мотивы у Арнима и Якушкина были разными. Первый надевал простую одежду, стремясь приблизиться к идеалу народного поэта, второй – по природной склонности и ради упрощения записи песен.

Мотив переодевания в русском фольклоре

Описанные выше культурные и историко-литературные обстоятельства – внимание славянофилов и близких к ним собирателей народных песен к простонародному платью – безусловно, могли послужить питательной средой для инструкции М.П. Погодина, однако никакое из них невозможно счесть основным источником. Более того, предложение приходить в деревни под видом коробейника и вовсе не находит прямых аналогов в истории предшествующей фольклористики. Вероятнее всего, это собственная идея Погодина, но опирался он в данном случае не столько на литературные, сколько на фольклорные источники.

«Ряженье», в котором винили П.И. Якушкина крестьяне, было хорошо известно им, в первую очередь, по святочным и масленичным календарным обрядам. Вместе с тем переодевание лица, принадлежавшего к благородному или даже царскому роду, в простое платье – широко распространенный фольклорный сюжет*. В народных легендах о царях и других высокопоставленных лицах он используется осо-

*Например: «Вся Москва наслушана была анекдотами и слухами о великом князе Константине Павловиче. Говорили, что он от часу более вскидывал о себе так называемых штучек: везде ходил, переодевшись в простое платье; везде все расспрашивал и выведывал и о всех беспорядках доносил государыне; и что многие бедные тем воспользовались; и что народ его отменно полюбил; и молва начинала носиться, что в нем не умирал Петр и что он будет точный он во всем» [Болотов, 1988, с. 446]. Ср. также историю о Л.Н. Нарышкине, который на «богатый каftан со всеми орденами» накинул «изношенный сюртучишка одного из своих истопников», чтобы оценить степень беспристрастности городского начальства [Русский литературный анекдот..., 1990, с. 61–62].

бенно часто; как правило, в этом случае переодевание совершается для того, чтобы сблизиться с народом [Чистов, 1967, с. 207, 212].

М.П. Погодин, исследователь и знаток народной культуры, собиратель и публикатор рукописных древностей, автор повестей в простонародном духе, проницательно предложил использовать для общения с крестьянами освоенный в народных легендах ход, запечатленный еще в пословице: «По одежке встречают». И, похоже, оказался точен в расчетах: П.И. Якушкин последовал его совету и стал одним из самых успешных собирателей и этнографов. Не в одном костюме, разумеется, таился секрет, но одежда и короб за спиной и в самом деле располагали к нему сельских жителей.

Хотя для самого Якушкина ношение народного костюма не было идеологически окрашенным жестом – несмотря на склонность к эпатажу, он, тем не менее, не любил позы, маскарада, «фиглярства». М.И. Писарев, описавший последние дни Якушкина, приводит следующие его слова: «Оригиналы-то рождаются, а не делаются... Не люблю фиглярства. Ничего не может быть отвратительнее...» (РГАЛИ. Ф. 236. Оп.1. Д.367. Л. 2 об.).

Судя по тому, что в инструкции Погодин предлагал студенту Якушкину переодеться в народный костюм и отрастить бороду, в ранние годы Якушкин не носил ни того, ни другого. Однако постепенно ношение плисовых штанов и красной рубашки сделались органичной частью его существования; ничего общего с «ряженем» это уже не имело. Судя по «Путевым письмам» Якушкина, собеседников из простонародья – крестьян, их жен, отставных солдат, рыбаков, торговых людей – не смущали его очки, и вовсе не «ряженого» барина они в нем видели, а «странного» человека, странника, называя его «родненский», «почтенный», «родимый», «брать» [Якушкин, 1986, с. 44, 122, 131, 252, 259].

Последователи Якушкина

Среди этнографов 1850–1860-х гг. мало кто отваживался на практикуемое Якушкиным «ряженье», в первую очередь, потому что это было рискованно – не всякий был готов к столкновению с властями. Одним из немногих и недолгих его последователей стал близкий знакомый Якушкина, написавший его первую биографию, этнограф и путешественник С.В. Максимов. Свои первые экспедиции (1855–1858 гг.) он осуществил, ходя по деревням то в крестьянской одежде, то в костюме «торговца средней руки» [Токарев, 2015, с. 428; Лебедев, 1994, с. 486]. Также в русское платье переодевался П.Н. Рыбников во время путешествия по Черниговской губернии, где собирал сведения по истории

Rис. 4. «Калики перехожие» – участники этнографических экспедиций конца 1850-х – начала 1860-х гг. Карикатура из журнала «Искра» (1864, № 9). На переднем плане П.И. Якушкин, П.Н. Рыбников, В.А. Слепцов, И.И. Южаков, С.В. Максимов; на заднем – И.Л. Отто и А.И. Левитов.

местной промышленности и фольклорно-этнографические материалы. Вскоре он был арестован «по подозрению в сношениях с раскольниками и за неуместные рассуждения о делах политических» [Сапрыкина, 2007, с. 401], хотя ходили слухи, что одной из причин было его русское платье [Герцен, 1958, т. 14, с. 144]. Сам П.Н. Рыбников поясняет: «...я рассудил оставить почтовый тракт и ехать по губернии проселочными дорогами и водою. Это давало мне средство всмотреться в быт крестьян и отчасти избавляло от официальности. Известно, как трудно добиться каких-нибудь верных сведений от народа “барину” и тем более чиновнику. Его звание, подорожная, вся обстановка его езды как-то не внушает к нему народного доверия; крестьянин всегда склонен к подозрению, что у чиновника есть, пожалуй, какое-нибудь “касательное” до него дело, а если касательного дела нет, то самая личность чиновника, его понятия, его привычки, делают его чужим для крестьянина. Неужели же, скажут иные, после этого для собирания этнографических данных нужно переряжаться в русское платье и подражать внешности простолюдина. Переряженье и подражание, разумеется, никуда не годится. А можно носить русское платье, и тогда это небесполезно для изучения народного быта в великорусских областях. По крайней мере, мне лич-

но это помогало в сношениях с черниговскими слобожанами, хотя и повлекло за собой важные неудобства» [Рыбников, 1864, с. X] (рис. 4).

Очевидно, со временем необходимость в переодевании у этнографов отпала – многие из них стали ездить по дальним уголкам российских губерний как представители официальных экспедиций Русского географического общества, Академии наук, Военно-го и Морского министерств и в общении с крестьянством могли использовать «административный ресурс», а вместе с тем ощущали себя защищенными от местных властей. Вероятно, от ношения народного костюма в экспедициях мог отказаться и П.И. Якушкин, также ставший членом-корреспондентом Русского географического общества, но мужицкий полушибок, сапоги и красная рубаха давно стали частью его личности.

Заключение

Как было показано, переодевание П.И. Якушкина в простонародный костюм соединило в себе сразу два мотива: желание обозначить через внешний жест близость к народной среде, с одной стороны, и необходимости

мость вызвать доверие у простого человека – с другой. Впоследствии они послужили основой для двух моделей поведения, активно применяемых как теми, кто хотел стать похожим на крестьянина из симпатии к нему и отчасти идеальных соображений, так и теми, кто желал расположить его к себе. Когда славянофилы одевались в русский костюм или А. Григорьев с гитарой шел через всю Москву в гости к А. Фету, облачившись в «не существующий в народе кучерской костюм» [Фет, 1980, с. 331], можно сказать, что они реализовывали первую модель. Она оказалась необычайно жизнеспособной, и в начале XX в. через ношение в обществе косоворотки и высоких сапог свою близость к народу подчеркивали и М. Горький [Скульптор..., 1964, с. 108], и «крестьянские поэты» – Н. Клюев, С. Городецкий, в ранний период С. Есенин.

Вторая модель, « pragmaticальная », рассчитанная на расположение к себе, не получила большого распространения среди этнографов, однако активно применялась с иными целями, далекими от собирания фольклора. К ней обратились народники – молодые интеллигенты, отправившиеся в рабочую и крестьянскую среду для пропаганды революционных идей в 1870-х гг. (в рамках «хождения в народ»). Чтобы расположить к себе собеседников из простонародья, они также одевались в крестьянскую одежду, ходили по деревням под видом торговых посредников и мастеров. Вот как описывает свои «выходы в народ» известный анархист П.В. Кропоткин: «Конечно, все те, которые вели пропаганду среди рабочих, переодевались крестьянами. Пропасть, отделяющая в России “барина” от мужика, так глубока, они так редко приходят в соприкосновение, что появление в деревне человека, одетого “по-господски”, возбуждало бы всеобщее внимание. Но даже и в городе полиция немедленно бы насторожилась, если бы заметила среди рабочих человека, непохожего на них по платью и разговору. “Чего ему якшаться с простым народом, если у него нет злого умысла?” Очень часто после обеда в аристократическом доме, а то даже в Зимнем дворце, куда я заходил иногда повидать приятеля, я брал извозчика и спешил на бедную студенческую квартиру в дальнем предместье, где снимал изящное платье, надевал ситцевую рубаху, крестьянские сапоги и полушибок и отправлялся к моим приятелям-ткачам, перешучиваясь по дороге с мужиками» [Кропоткин, 1986, с. 307].* Как известно, несмотря на то что

крестьяне достаточно охотно вступали с пропагандистами в беседу, ощутимых результатов агитация народников не дала, встречая «по одежке», провожали их все же «по уму».

В ХХ в., после октябрьского переворота 1917 г., дистанция, отделяющая «барина» от мужика, народ от интеллигенции сократилась по очевидным историческим и политическим причинам. В ситуации, когда сословные границы оказались практически стерты, отпала и необходимость переодеваться в крестьянское платье для доверительной беседы с народом. Таким образом, и вторая модель, появившаяся благодаря М.П. Погодину и укрепившаяся благодаря П.И. Якушкину, просуществовав более полувека, иссякла. Вместе с тем использование народного костюма в качестве политического и идеологического жеста сохранилось до сих пор: недавние политические события на Украине резко повысили спрос на «вышиванки»; россияне нередко надевают народную одежду во время религиозных праздников, в частности крестных ходов. Наконец, в отдельных регионах, например в Якутии, традиционный костюм может выполнять функции официального, представительского платья титульной нации.

Список литературы

- Азадовский М.К.** История русской фольклористики: в 2 т. – М.: Учпедгиз, 1958. – Т. 1. – 478 с.
- Баландин А.И.** П.И. Якушкин: Из истории русской фольклористики. – М.: Наука, 1969. – 235 с.
- Барсуков Н.П.** Жизнь и труды М.П. Погодина: в 22 т. – СПб.: [Тип. М.М. Стасюлевича], 1896. – Кн. 10. – XV, 583 с.
- Болотов А.Т.** Памятник претекших времен, или Краткие исторические записки о бывших происшествиях и носившихся в народе слухах // Записки Андрея Тимофеевича Болотова, 1737–1796: в 2 т. / сост., послесл. и примеч. В.Н. Ганичева. – Тула: Приок. кн. изд-во, 1988. – Т. 2 – С. 364–510.
- Вульф А.Н.** Рассказы о Пушкине, записанные М.И. Семевским // А.С. Пушкин в воспоминаниях современников: в 2 т. / сост. и comment. В. Вацуро, М. Гиллельсона, Р. Иезуитовой, Я. Левкович. – М.: Худож. лит., 1985. – Т. 1. – С. 446–449.
- Герцен А.И.** Собр. соч.: в 30 т. – М.: Изд-во АН СССР, 1956. – Т. 9. – 353 с.; 1958. – Т. 14. – 706 с.
- Даль В.И.** Воспоминания о Пушкине // А.С. Пушкин в воспоминаниях современников: в 2 т. / сост. и comment. В. Вацуро, М. Гиллельсона, Р. Иезуитовой, Я. Левкович. – М.: Худож. лит., 1985. – Т. 2. – С. 260–264.
- Джабадари И.С.** Процесс 50-ти // Революционеры 1870-х годов: Воспоминания участников народнического движения в Петербурге / сост. В.Н. Гинев. – Л.: Лениздат, 1986. – С. 195–217.
- Дмитриев-Мамонов Э.А.** Славянофилы // Русский архив. – 1873. – Кн. II, вып. 7–12. – Стб. 2488–2508.
- Жирмунский В.М.** Из истории западноевропейских литератур. – Л.: Наука, 1981. – 306 с.

*См. также описание процесса подготовки девушек-пропагандисток для посещения тряпичной фабрики: «Субботина одела Бетю Каминскую в простой русский ситцевый сарафан с пышными рукавами и повязала ей на шею простые стеклянные бусы, как носят крестьянские девушки; она ухаживала за нею, как ухаживает подруга, обряжая невесту» [Джабадари, 1986, с. 200].

Злыднева Н.В. Одежда и время: мотив ветхой одежды как палимпсест // Коды повседневности в славянской культуре: еда и одежда / отв. ред. Н.В. Злыднева. – СПб.: Алетейя, 2011. – С. 547–556.

Киреевский И.В., Киреевский П.В. Полн. собр. соч.: в 4 т. – Калуга: Гриф, 2006. – Т. 3: Письма и дневники / сост., примеч. и comment. А.Ф. Малышевского. – 488 с.

Кирсанова Р.М. Костюм в русской художественной культуре 18–первой половины 20 вв. (опыт энциклопедии) / под ред. Т.Г. Морозовой, В.Д. Синюкова. – М.: Большая рос. энцикл., 1995. – 383 с.

Кропоткин П.А. Записки революционера. – М.: Московский рабочий, 1988. – 544 с.

Лебедев Ю.В. Максимов Сергей Васильевич // Русские писатели. 1800–1917: Биографический словарь. – М.: Большая рос. энцикл., 1994. – Т. 3. – С. 485–488.

Лейкин Н.А. Товарищеские воспоминания о Якушкине // Сочинения П.И. Якушкина. – СПб.: Изд. Вл. Михневича, 1884. – С. LXVIII–LXXIV.

Лесков Н.С. Товарищеские воспоминания о П.И. Якушкине // Собр. соч.: в 11 т. – М.: Худож. лит., 1958. – Т. 11. – С. 71–89.

Лотман Ю.М. Театр и театральность в строем культуры начала XIX века // Лотман Ю.М. Избранные статьи: в 3 т. – Таллинн: Александра, 1992. – Т. 1. – С. 269–286.

Мазур Н.Н. «Дело о бороде»: Из архива Хомякова: письмо о запрещении носить бороду и русское платье // Новое литературное обозрение. – 1993. – № 6. – С. 127–138.

Максимов С.В. Павел Иванович Якушkin: биографический очерк // Сочинения П.И. Якушкина. – СПб.: Изд. Вл. Михневича, 1884. – С. I–XXX.

Никитенко А.В. Записки и дневник 1826–1877 гг. – СПб.: [Тип. А.С. Суворина], 1893. – 588 с.

Парилова Г.И., Соймонов А.Д. П.В. Киреевский и собранные им песни // Песни, собранные писателями: новые материалы из архива П.В. Киреевского / ред. С.А. Макашин, А.Д. Соймонов, К.П. Богаевская. – М.: Наука, 1968. – С. 9–76. – (Литературное наследство; т. 79).

Парфенов П. Рассказы о Пушкине, записанные К.А. Тимофеевым // А.С. Пушкин в воспоминаниях современников: в 2 т. / сост. и примеч. В. Вацуро, М. Гилльельсона, Р. Иезуитовой, Я. Левкович. – М.: Худож. лит., 1985 – Т. I. – С. 462–466.

Погодин М.П. Современные заметки // Русская газета. – 1859. – № 40 (7 окт.). – С. 2.

Пыпин А.Н. История русской этнографии: в 4 т. – СПб.: [Тип. М.М. Стасюлевича], 1891. – Т. 2. – 428 с.

Распов А.И. Встреча с А.С. Пушкиным в Могилеве в 1824 г. // А.С. Пушкин в воспоминаниях современников: в 2 т. / сост. и comment. В. Вацуро, М. Гилльельсона, Р. Иезуитовой, Я. Левкович. – М.: Худож. лит., 1985. – Т. I. – С. 399–401.

Розанов В.В. Собр. соч.: в 30 т. / под ред. А.Н. Николюкина; сост. и comment. В.Н. Дядичева и А.Н. Николюкина. – М.: Республика, 2006. – Т. 22. – 430 с.

Русский литературный анекдот конца XVIII – начала XIX века / сост. и примеч. Е. Курганова, Н. Охотина. – М.: Худож. лит., 1990. – 270 с.

Рыбников П.Н. Заметка // Песни, собранные П.Н. Рыбниковым: [Ч. 1–4] – Петрозаводск: Олонец. губ. стат. ком., 1864. – Ч. 3. Народные былины, старины, побывальщины и песни. – С. I–LII.

Сапрыкина М.Б. П.Н. Рыбников // Русские писатели. 1800–1917: Биографический словарь. – М.: Большая рос. энцикл., 2007. – Т. 5. – С. 401–403.

Скульптор Илья Гинцбург: Воспоминания, статьи, письма / сост. Е.Н. Маслова. – Л.: Художник РСФСР, 1964. – 280 с.

Соймонов А.Д. «Песенная прокламация» П.В. Киреевского // СЭ. – 1960. – № 4. – С. 147–150.

Соймонов А.Д. Фольклорное собрание П.В. Киреевского и русские писатели // Песни, собранные писателями: новые материалы из архива П.В. Киреевского / ред. С.А. Макашин, А.Д. Соймонов, К.П. Богаевская. – М.: Наука, 1968. – С. 121–166. – (Литературное наследство; т. 79).

Токарев С.А. История русской этнографии / сост. и отв. ред. О.А. Платонов. – М.: Институт русской цивилизации, 2015. – 656 с.

Фет А.И. Кактус // Аполлон Григорьев. Воспоминания / Изд. подгот. Б.Ф. Егоров. – Л.: Наука, 1980. – С. 328–334. – (Литературные памятники).

Чистов К.В. Русские народные социально-утопические легенды XVII–XIX вв. – М.: Наука, 1967. – 341 с.

Чичерин Б.Н. Воспоминания Бориса Николаевича Чичерина: Москва сороковых годов / вступ. ст. и примеч. С.В. Бахрушина. – М.: Изд. М. и С. Сабашниковых, 1929. – 293 с.

Якушкин П.И. Соч. – М.: Современник, 1986. – 590 с.

*Материал поступил в редакцию 25.01.18 г.,
в окончательном варианте – 23.08.18 г.*